

ление о Богѣ вообще, и главнымъ образомъ то, что Богъ Сынъ, Единосущный Богу Отцу, для удобнѣйшаго привлеченія людей къ Себѣ и спасенія ихъ, принявъ на Себя плоть человѣческую, и съ этою плотію вознесся на небо. Будучи на землѣ въ уничиженномъ состояніи, Господь нигдѣ и никогда не возбранялъ видимаго поклоненія Себѣ, какъ выраженія внутренней молитвы, благоговѣнія и благодарности къ Нему. Такъ Ему поклонился прокаженный, умоляя Его исцѣлить его (Лук. 5, 12); Ему поклонились, послѣ спасенія утопающаго апостола Петра, ученики, и сказали: Ты Сынъ Божій (Матѣ. 14, 38); изъ десяти исцѣленныхъ, Господомъ отъ проказы одинъ Самарянинъ палъ ницъ къ ногамъ Его благодаря Его, каковое выраженіе благодарности Господь одобрилъ (Лук. 17, 16, 18, 19). Ему поклонились ученики и послѣ воскресенія Его, при явленіи Его на одной горѣ; только нѣкоторые усумнились воздать Ему божеское поклоненіе (Матѣ. 28, 17). Неужели послѣ вознесенія Его на небо, по достиженіи прославленія Его пречистой плоти, должно прекратиться поклоненіе Ему, должна прекратиться молитва къ Нему съ видимымъ выраженіемъ внутренняго молитвеннаго настроенія? Конечно нѣтъ, конечно въ этомъ великое заблужденіе думающихъ служить Богу, молиться Богу, только душою, безъ участія тѣла. Апостолъ Павелъ молился Богу съ колѣнопреклоненіемъ (Дѣян. 20, 36; 21, 5). Сей апостолъ убѣждаетъ насъ: желаю, говорилъ онъ, чтобы на всякомъ мѣстѣ произносили молитву мужи, воздѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія (1 Тимое. 21, 8). Кто испыталъ чувство искренней молитвы къ Богу невидимому съ твердою вѣрою въ Его бытіе, тотъ никогда не скажетъ, что можно и нужно молиться Богу только духомъ, душою, безъ всякаго участія тѣла, потому что это, при искренней молитвѣ, невозможно. Чѣмъ возвышеннѣе и святѣе молитва, тѣмъ болѣе приходится въ восхищеніе, въ восторгъ все человѣческое существо: молитва окрыляетъ душу, вмѣстѣ съ тѣмъ, окрыляетъ и тѣло; плоть такъ, сказать, забываетъ свой бранный составъ, и отдается молитвенному настроенію духа. Когда душа молитвенно стремится къ Богу, тогда и тѣло порывается къ Нему: невольно воздѣваются руки, преклоняются колѣна и льются слезы умиленія. Драгоценна такая молитва для молящихся; она достигается сначала самопринужденіемъ, потомъ

поддерживается и развивается смиреніемъ, религиознымъ размышленіемъ, твердою вѣрою въ Бога и любовію къ Нему. Придумавшіе, въ свое оправданіе, какую-то одну умную молитву, никогда не могутъ имѣть восторженной, сладостной молитвы. Будемъ, сл., неопустительно всегда молиться душою и тѣломъ, и такимъ образомъ узнаемъ цѣнность возвышенной молитвы! Аминь!

О достоинствѣ и величіи человѣка.

(Посвящается памяти писателя-христіанина Н. В. Гоголя *).

Приходилось-ли вамъ, дѣти, иногда размышлять о достоинствѣ и величіи человѣка, о той славѣ и чести, которыми Господь почтилъ его! Повидимому человѣкъ такое слабое, безпомощное существо, что весьма многія земныя животныя гораздо сильнѣе его. А между тѣмъ, размышляя о достоинствѣ и величіи человѣка, вдохновенный псалмопѣвецъ, св. царь и пророкъ Давидъ въ удивленіи восклицаетъ: «что есть человѣкъ, что Ты, Господи, помнишь его, или сынъ человѣческой, что Ты посѣщаешь его? Ты умалилъ его малымъ чѣмъ отъ ангель. (Пс. 143, 3—4).

Въ чѣмъ же это величіе и достоинство человѣка? Въ душѣ его созданной по образу и подобію Божію. Предъ сотвореніемъ перваго человѣка Богъ сказалъ: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему, и да владычествуетъ онъ надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными, и надъ скотомъ, и надъ всею землею (Быт. 1, 26). Одаренный разумною и безсмертною душою—этимъ истиннымъ отображеніемъ Божества, Небснаго Домовладыки, Творца и Вседержителя вселенной, человѣкъ по праву является царемъ и владыкою въ жизни земныхъ существъ, какъ бы намѣстникомъ самого Бога на землѣ. И чѣмъ больше человѣкъ заботится о просвѣщеніи образа Божія въ себѣ, т. е. объ укрѣпленіи и развитіи добрыхъ силъ души своей, чѣмъ ближе онъ къ Богу, тѣмъ могущественнѣе и поразительнѣе становится сила и власть его—въ жизни вселенной. Посмотрите, напр., какую могущественную силу приобрѣлъ человѣкъ только одною способностью души своей, однимъ умомъ своимъ. Благодаря уму, знаниямъ и наукѣ, человѣкъ покорилъ и подчинилъ себѣ не только животныхъ, но и многія могущественныя силы и явленія природы. Онъ заставилъ работать на себя парь, огонь, воду, вѣтеръ и ту силу, которая рождаетъ молнію, и съ помощію этихъ силъ можемъ поразительно быстро перемѣщаться съ мѣста на мѣсто, можемъ разговаривать съ другимъ человѣкомъ за десятки и сотни верстъ (при посредствѣ телефона), обмѣниваться мыслями на разстояніи десятковъ тысячъ верстъ (при помощи телеграфа). Далѣе съ помощію развитого, укрѣпленнаго и просвѣщеннаго ума своего человѣкъ строить огромныя

* Сказано въ залѣ института благородныхъ дѣвицъ предъ молитвеннымъ поминовеніемъ писателя 20 марта 1909 г.

зданія и города, прорываеъ горы, спускается вглубь земли, переплываетъ огромныя моря и океаны, измѣняетъ теченіе рѣкъ, борется съ морскими бурями, опускается въ глубины моря, поднимается на воздухъ за облака, изслѣдуетъ движеніе звѣздъ и свѣтилъ небесныхъ. Не напрасно поэтому одинъ изъ нашихъ поэтовъ (Державинъ) сказалъ о достоинствѣ и величіи человѣка: „я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю, умомъ громамъ повелѣваю“. (Ода „Богъ“). Благодарное потомство людямъ науки и знанія воздвигаетъ памятники, достойныя славы ихъ, наравнѣ съ другими великими и славными людьми, работающими на благо человѣчества.

Но не въ этой всетаки силѣ и способности человѣка, называемой умомъ, главное величіе и достоинство человѣка, созданнаго по образу и подобию Божию! Одинъ умъ, развиваемый безъ должнаго образованія и воспитанія другой способности души человѣка, называемой сердцемъ, кичить, надмѣваетъ, заставляетъ человѣка, нервѣдко забывать Бога и увлекаетъ его, гордаго и ослѣпленнаго успѣхами такъ называемаго внѣшняго матеріальнаго прогресса, на путь тѣхъ людей, которые задумали нѣкогда, помимо Бога, устроить счастье на землѣ, воздвигнувъ Вавилонскую башню до небесъ. Намъ извѣстно, что случилось съ этой башней,—какъ Богъ разрушилъ это злое дѣло и разсѣялъ исполнителей его въ разныя страны земли... Не видимъ ли нѣчто подобное сему и въ жизни современныхъ людей? Какъ Богъ, оскорбляемый дерзкимъ богохульствомъ и кощунствомъ современныхъ намъ гордыхъ, самообольщенныхъ и ослѣпленныхъ успѣхомъ такъ называемыхъ внѣшнихъ знаній людей, наказываетъ ихъ землетрясеніями и другими грозными явленіями природы, когда человѣкъ, царь природы, самъ дѣлается жалкимъ и ничтожнымъ рабомъ этихъ стихійныхъ силъ природы, уничтожающихъ его въ одно мгновеніе ока (Мессинская катастрофа). Нѣтъ, истинное величіе и достоинство человѣка заключается въ сердцѣ его, въ чистомъ христіанскомъ сердцѣ, чуждомъ лжи, лукавства, обмана, зависти, злобы, высокомерія, тщеславія и гордости, въ томъ сердцѣ, о которомъ сказано: „блаженъ чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрять (Мѡ. VI, 8)*; и у псалмопѣвца: «кто взйдетъ на гору Господню? или кто станетъ на мѣстѣ святѣмъ его? Неповиненъ руками и чистъ сердцемъ. Сей приметъ благословеніе отъ Господа и милостыню отъ Бога, Спаса своего (пс. 24)». Сердце—сокровищница духовной жизни человѣка. И что особенно замѣчательно, могущество, слава и величіе чистыхъ сердцемъ, т. е. праведныхъ людей, любящихъ Бога, повинующихся ему и исполняющихъ его законъ, сказывалось и здѣсь на землѣ, сказывалось даже гораздо разительнѣе и сильнѣе, чѣмъ могущество людей ученыхъ и образованныхъ, сильныхъ такъ называемыми чудесами науки, о которыхъ мы упоминали выше. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли эти чудеса науки сравниться съ силою истинныхъ чудесъ, которыми Господь благословилъ, по слову псалмопѣвца, ищущихъ Бога Іаковля: они невредимы оставались во рвахъ ливневыхъ, и въ печахъ раскаленныхъ, ходили пѣшіе по водамъ, спали вмѣстѣ съ ядовитыми змѣями, исцѣляли неизлѣчимыя болѣзни, вос-

крешали мертвыхъ, читали самыя сокровенныя мысли въ душахъ человѣческихъ, какъ въ открытой книгѣ, предсказывали отдаленное будущее... Итакъ, вотъ гдѣ истинное достоинство, красота, сила и величіе человѣка! Въ чистомъ христіанскомъ сердцѣ, украшенномъ добродѣтелями!

И вотъ эту-то истинную духовную красоту души человѣка, красоту чистаго христіанскаго сердца и постигъ чувствуемый нами сегодня писатель налѣгъ Н. В. Гоголь. Свѣтская литература и общество цѣнить въ немъ преимущественно, если не исключительно, художника-поэта, художника русскаго слова, тогда какъ мы, служители Слова Божія, цѣнимъ въ немъ прежде всего христіанина-мыслителя,—постигшаго истинную красоту человѣческой души, украшенной христіанскими добродѣтелями, и старавшагося осуществить и воплотить эти добродѣтели въ жизни своей по руководству и съ помощью Церкви Христовой,—вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ коей онъ былъ въ продолженіи всей жизни своей.

Въ настоящемъ собраніи рисуемъ хотя въ краткихъ чертахъ нравственный обликъ почившаго и укажемъ на тѣ религіозно-нравственные идеалы, которыми жилъ онъ, и къ которымъ звалъ онъ и русское общество. Материаломъ для этого послужатъ для насъ тѣ произведенія, о которыхъ обыкновенно критика умалчиваетъ или даже враждебно говоритъ о нихъ, ставя въ упрекъ Гоголю, что онъ оставилъ литературно-художественную дѣятельность и принялъ несвойственную будто бы ему тогу моралиста-проповѣдника. Произведенія эти—переписка съ друзьями, авторская исповѣдь и размышленія о Божественной литургіи.

Въ интимныхъ бесѣдахъ и письмахъ съ близкими и дорогими ему лицами Гоголь вводитъ насъ въ сокровеннѣйшіе тайники души своей и показываетъ, какія прекрасныя мысли таились въ душѣ его и какой глубоко вѣрующей и убѣжденной онъ былъ христіанинъ, который на себя и на все въ мірѣ смотрѣлъ съ строго религіозной точки зрѣнія. Религіозное чувство его получило жизненность и силу еще въ раннемъ дѣтствѣ, какъ это видно изъ его дѣтскихъ писемъ къ матери, въ которыхъ онъ еще ребенкомъ постоянно ссылается на промыслъ Божій, благословляетъ десницу Божію, правящую его жизнью. Развитиемъ и укрѣпленіемъ религіознаго чувства въ раннемъ дѣтствѣ Гоголь обязанъ былъ именно матери. Описывая въ письмахъ къ ней свое дѣтство съ неизбѣжными въ немъ баловствомъ и шалостями для такого рѣзваго и живого мальчика, какимъ былъ Гоголь въ дѣтствѣ, онъ пишетъ такъ: „но одинъ разъ я живо, какъ теперь помню такой случай: я просилъ васъ разсказать о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ за добрую жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это меня потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мнѣ самыя высокія мысли (письмо 2 окт. 1833)“. (Какой поучительный урокъ для современныхъ

матерей)! Съ теченіемъ времени, въ зрѣломъ возрастѣ, и въ послѣдующей жизни религиозное чувство это не только не ослабѣвало, а еще болѣе крѣпло и развивалось, дойдя вънемъ предъ концемъ до жизни высшаго религиознаго экстаза, когда онъ сталъ выше всего людскаго и земнаго, сдѣлался, по словамъ Аксакова, настоящимъ подвижникомъ-монахомъ, сталъ *праведнымъ человекомъ*, какъ называли его иноки Оптиной пустыни, куда онъ совершилъ паломничество. Всегда любившій чтеніе серьезное и богословское, Гоголь основательно изучилъ творенія св. отцевъ и учителей церкви, православное Богослуженіе, и даже написалъ «Размышленія о божественной литургіи», проникнутыя любовью ко Христу Спасителю. Въ литургіи онъ видѣлъ «вѣчное повтореніе великаго подвига любви, совершеннаго для насъ Господомъ на Голгоѣ». (Невольно, само собою, напрашивается здѣсь сравненіе отношенія къ богослуженію двухъ нашихъ писателей Л. Толстого и Н. В. Гоголя. Надъ чѣмъ Толстой, чуждый вѣры, ирони, зируетъ и даже кощунствуетъ, предъ тѣмъ другой, проникнутый живой, сердечной вѣрой, благоговѣть.) Вѣра была основой всей дѣятельности и поведенія; Н. В. Гоголя; онъ свободно и радостно подчинялся не только Христу, но и его св. церкви, со всеми ея уставами: онъ строго соблюдалъ посты, посѣщалъ богослуженія, совершалъ ночныя моленія, а тѣмъ болѣе христіанскій долгъ исповѣди и св. причащенія. Какъ писатель-художникъ, хорошо изучившій человѣка, и такъ мѣтко бичевавшій «мертвыя души» горькимъ словомъ своимъ, въ которомъ сквозь видимый смѣхъ хорошо знавшимъ его слышались незримыя слезы, онъ понималъ, что писателю-христіанину недостаточно только изображать мелочность и жалкую пошлость въ окружавшей его дѣйствительности, а необходимо дать читателю и положительный идеалъ жизни человѣка, а для этого *писатель* самъ долженъ быть чистъ и высокъ. И Гоголь углубился въ самонаблюденіе и самоисправленіе: какъ строгій неподкупный судія изучалъ и судилъ онъ свою душу; по этой-то дорогѣ изученія и совершенствованія своей души онъ незамѣтно, почти самъ не вѣдая какъ, и пришелъ ко Христу, увидавъ, по его собственнымъ словамъ, что въ „Немъ ключъ къ душѣмъ человѣка, и что никто еще изъ душевнателей не восходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“. «Душа заняла меня всецѣло — говоритъ Гоголь, — я увидѣлъ ясно, что безъ стремленія моей души къ ея лучшему совершенству не въ силахъ и двинуть ни одной мсей способностью во благо и пользу моимъ собратьямъ! Отсюда и началось постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человека, преобладаніе въ Гоголѣ религиознаго направленія. Идеалъ христіанскаго совершенствованія безконеченъ («будите совершенны, якоже Отецъ Вашъ небесный совершенъ есть»). Самые великіе подвижники, чѣмъ болѣе возвышались духовно, тѣмъ больше сознавали свое несовершенство. Тоже осуществилось и въ жизни Гоголя. Гоголь бросилъ все—прежнія должности, друзей, даже занятія литературой, чтобы въ полномъ уединеніи воспитывать себя къ высокому призванію писателя и

все свои силы посвятить болѣе глубокому, осмысленному и христіански одухотворенному творчеству. Онъ сознавалъ всю бесполезность и ненужность созданныхъ имъ «мертвыхъ душъ», безъ указанія читателю положительнаго идеала человѣка. Изданіемъ своей переписки, въ виду угрожавшей ему смерти и отчета предъ Вѣчнымъ Судією, Гоголь хотѣлъ искупить эту вину и обратить вниманіе читателя на тѣ религиозно-нравственные идеалы, которыми жилъ онъ самъ. Нѣтъ возможности, конечно, въ краткомъ словѣ подробно останавливаться на религиозно-нравственныхъ идеалахъ Гоголя, но его переписка съ друзьями и авторскаго исповѣди, а потому въ настоящемъ собраніи посвященномъ памяти великаго писателя ограничимся только краткимъ изложеніемъ ихъ,—скажемъ только, что въ этихъ произведеніяхъ есть весьма много поучительнаго какъ для свѣтскаго общества вообще, такъ, въ частности, и для васъ, какъ воспитанницъ института. Его сестры также учились въ институтѣ и вотъ въ письмахъ къ нимъ, къ матери и къ знакомымъ онъ много писалъ и о назначеніи женщины, и о заслугахъ ея семьѣ и обществу въ скромномъ служеніи ея, какъ христіанки-матери, воспитательницы дѣтей, и какъ жены-подруги мужа. Свѣтскому обществу вообще онъ совѣтуетъ не обольщаться блескомъ прогресса и усовершенствованія матеріальныхъ устоевъ жизни. Главное дѣло всякаго человѣка, а особенно стоящихъ на вершинѣ общественной дѣятельности, это дѣло нравственнаго развитія, самовоспитанія, совершенствованія своего духа. Это нравственное совершенствованіе должно совершаться подъ руководствомъ Церкви Христовой, сокровищница благодати Божіей, воспитывающей и укрѣпляющей духовно силы человѣка. Вліяніе Церкви должно проникать во все житскія отношенія людей другъ къ другу, ибо она, какъ „цѣломудренная дѣва, во всей неприкосновенной чистотѣ сохраняла и сохраняетъ Христово ученіе, она одна въ силахъ разрѣшить все наши вопросы и недоумѣнія, и потому безъ молитвы и благословенія церковнаго не подобаетъ, говорить Гоголь, начинать никакого дѣла, тѣмъ болѣе духовнаго, если мы хотимъ, чтобы все было въ славу Божию“. Между тѣмъ, при взглядѣ на современное ему состояніе общества, нашего писателя болѣе всего поражаетъ именно упадокъ духовной, нравственной силы, христіанской любви, и отчужденность интеллигенціи отъ Церкви, носительницы идеаловъ Христа.— „У насъ, законы моды и свѣтскія приличія, пишетъ нашъ писатель о свѣтскомъ обществѣ, нарушить боится больше, чѣмъ законы нравственные и государственные, чѣмъ первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа. Театры, балы, концерты нерѣдко всецѣло заполняютъ собою жизнь свѣтскаго общества, отрывая его отъ родника настоящей духовной жизни Христа и Его Церкви. И не въ этомъ ли главная причина того исполтинскаго роста скуки и томленія духа, который растетъ все болѣе и болѣе, несмотря на обиліе и разнообразіе удовольствій свѣтской жизни. Вѣдь душа человека по природѣ христіанка, такъ дайте же ей тепло и свѣта, котораго жаждетъ она. Этотъ свѣтъ мо-

жетъ дать ей Тотъ, кто сказалъ о себѣ: Азъ есмь свѣтъ міру, и кого Церковь такъ часто именуетъ Солнцемъ Правды! Какъ въ физическомъ мірѣ солнце—источникъ свѣта, тепла и жизни вселенной, такъ и въ духовно-нравственной жизни Христосъ есть источникъ этой жизни». Въ другомъ мѣстѣ предупреждая свѣтское общество отъ ненужной роскоши въ жилищѣхъ и обстановкѣхъ, Гоголь пишетъ: «Еслибы поднять предъ богачемъ современнаго свѣтскаго общества ту завѣсу, которая отдѣляетъ его отъ бѣдныхъ, и показать ему хотя часть тѣхъ ужасовъ, которые онъ производитъ косвенно, а не прямо, тогда онъ не сказалъ бы: вѣдь, не вору-же я, живу честно, на средства, принадлежащія мнѣ. Сказать честно, но близорукому богачу, что онъ, убирая свой домъ и заводя у себя все на барскую ногу, вредитъ соблазномъ, поселяя въ другомъ, менѣе богатомъ, зависть и желаніе не отстать отъ него, разоряетъ не только собственное, но и чужое имущество, грабитъ и пускаетъ по міру людей, да вслѣдъ затѣмъ и представить ему одну изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода внутри Россіи, отъ которыхъ дѣбомъ поднимется у него волосъ и которыхъ, можетъ быть, не случилось бы, если бы не сталъ онъ жить на барскую ногу, да задавать тонъ обществу и кружить головы другимъ... Тогда увидятъ они... что не спасетъ ихъ отъ страшнаго отвѣта предъ Богомъ и деньга, брошенная нищему, даже и тѣ человеколюбивыя заведенія, которыя заводятся въ городахъ на счетъ отработанныхъ провинцій». Не правда ли: подобные мѣста въ письмахъ Гоголя невольно напрашиваются на сравненія съ лучшими твореніями св. о.о. и учителей церкви и особенно Іоанна Златоуста, который такъ много проповѣдывалъ объ обязанностяхъ богачей къ бѣднымъ. Наконецъ, обращается Н. В. Гоголь и къ такъ называемой идейной части интеллигентнаго общества, которая проповѣдуетъ служеніе ближнему, на началахъ гуманизма, т. е. ученія о любви къ ближнему, но помню началъ православной христіанской церкви, внѣ ея. Такимъ лицамъ Н. В. Гоголь писалъ что разумъ и наука, помимо Божественныхъ силъ къ животу и благочестію, никогда не можетъ дать въ служеніи ближнему того запаса силъ безконечной энергіи котораго требуетъ человѣкъ въ стремленіи къ безконечному идеалу духовно-нравственнаго совершенствованія. По обыкновенному естественному ходу, говоритъ Гоголь, человѣкъ достигаетъ полнаго развитія ума своего въ 30 лѣтъ. Самые способные, самые даровитые изъ людей, переживая за 40 лѣтъ, тупѣютъ, устаютъ, слабѣютъ... Перечисляетъ далѣе примѣры подобныхъ людей. Вспомнимъ, напр. о Кантѣ, (изв. нѣмец. философъ) который въ послѣдніе годы совсѣмъ потерялъ память и умеръ какъ ребенокъ. «Но пересмотри жизнь всѣхъ святыхъ: ты увидишь, что они крѣпили въ разумѣ и силахъ духовныхъ по мѣрѣ того, какъ приближались къ дряхлости, старости и смерти. Какой неистощимый запасъ духовной и физической энергіи имѣли они до конца своей жизни! Да и по смерти на самыхъ старческихъ лицахъ ихъ была всегда печать какой-то незримой духовной красоты. Отчего-же это?

Отъ того, что духъ ихъ развивался всегда въ искреннѣйшемъ и тѣснѣйшемъ единеніи съ духомъ Христовымъ, подъ животворными лучами вседѣйствующей и всемогущей благодати Божіей. Подъ воздѣйствіемъ этой благодати Божіей предъ ними и въ моментъ кончины сіяла вѣчная даль и видѣлся вѣчный подвигъ нравственнаго совершенствованія. «Вся могу о укрѣпляющемся Исусѣ Христѣ» (Филип. 4, 13). „И замѣчательно, самъ Гоголь, несмотря на все его страданія,—какъ истинный и вѣрный сынъ Церкви Христовой, во все дни жизни своей и особенно въ послѣдніе дни ея питавши свой духъ благодатію Божіей, въ таинствѣ исповѣди и св. причастія, всегда носилъ на лицѣ своемъ отпечатокъ какой-то неземной, тихой грусти, умеръ же мирною, тихою христіанскою кончиною: на лицѣ его свѣтились духовная красота и неизъяснимый миръ, тишина, и покой души. Это потому, что въ смерти своей Гоголь встрѣтилъ Христа Живодавца, принявшаго многострадальную душу его въ свѣтлыя обители Отца Небеснаго. А страдать пришлось Гоголю не мало отъ литературныхъ враговъ сего непонимавшихъ его.

Помолимся же объ упокоеніи многострадальной души писателя-христіанина,—такъ грубо оскорбленной въ ея лучшихъ завѣтныхъ стремленіяхъ, врагами его—въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь и печаль, но жизнь безконечная. Намъ, служителямъ алтаря Господня, особенно отраднo молиться о немъ за Божественной Литургіей, такъ какъ самъ онъ глубоко вѣровалъ въ силу этихъ молитвъ, и въ своемъ завѣщаніи просилъ усердно молиться о себѣ у всѣхъ, особенно у священнослужителей! Вотъ почему и мы молимся о немъ, и прежде всего совершеніемъ Божественной Литургіи, такъ имъ любимой, начинаемъ свое чествованіе его памяти! На память объ этомъ чествованіи вамъ дана будетъ каждой книжка Н. В. Гоголя „Размышленія о Божественной Литургіи“. Читеніе этой маленькой книжки будетъ кстати, и лучшимъ приготовленіемъ къ приближающимся днямъ св. страстной седмицы, къ днямъ вашего говѣнія, приготовленіемъ къ принятію вами св. таинствъ исповѣди и причастія. Аминь.

Священникъ *Сергій Ильменскій*.

II.

Личность и творчество Н. В. Гоголя.

(Рѣчь по случаю столѣтія со дня рожденія Гоголя).

Сто лѣтъ исполнилось со дня рожденія Гоголя. Около шестидесяти прошло со дня его смерти. Шестидесять лѣтъ больше время въ нынѣшней жизни народовъ, когда эта жизнь движется такъ стремительно. На нашей памяти примѣры того, какъ писатель, овладѣвшій настроеніемъ общества, кружилъ голову читателямъ, блескомъ своего таланта въ какое-нибудь десятилѣтіе создавалъ себѣ громкую славу, становился кумиромъ такъ жадной до кумировъ толпы; но вотъ онъ такъ же быстро забывался своими поклонниками,